

Современная
психотерапия

Нэнси Дж. Догерти
Жаклин Дж. Вест

Матрица и потенциал характера

С позиций архетипического
подхода и теорий развития

В поисках неиссякаемого
источника духа

COGITO
CENT
NT

Современная психотерапия (Когито-Центр)

Нэнси Дж. Догерти

**Матрица и потенциал характера. С
позиций архетипического подхода
и теорий развития. В поисках
неиссякаемого источника духа**

«Когито-Центр»

2007

УДК 159.9
ББК 88

Догерти Н.

Матрица и потенциал характера. С позиций архетипического подхода и теорий развития. В поисках неиссякаемого источника духа / Н. Догерти — «Когито-Центр», 2007 — (Современная психотерапия (Когито-Центр))

ISBN 978-5-89353-424-5

Книга «Матрица и значение характера» знакомит читателя с глубинным миром архетипов, образующих основу разных структур характера, и предлагает оригинальную модель развития, в которой синтезированы современные аналитические теории. Авторы рассматривают девять структур характера, оживляя их описание обращением к сказочно-мифологическим образам и клиническим случаям, соединяя традиционную терминологию психопатологических классификаций с универсальным образно-символическим языком. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-89353-424-5

© Догерти Н., 2007
© Когито-Центр, 2007

Содержание

Благодарности	6
Введение	7
Дыхание Изида	7
Матрица структур характера: архетипический подход и модели развития	10
Стадии развития	11
Базовые паттерны отношений	16
Структуры характера	18
Регрессия, тень и интерсубъективное поле	20
Дополнительные комментарии	23
Часть I	25
Глава 1	25
Девочка со спичками	25
Теоретическое обоснование	27
Шизоидная защита в форме инкапсуляции	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Нэнси Дж. Догерти, Жаклин Дж. Вест
Матрица и потенциал характера: С
позиций архетипического подхода
и теорий развития: В поисках
неиссякаемого источника духа

NANCY J. DOUGHERTY JACQUELINE J. WEST
THE MATRIX AND MEANING OF CHARACTER
AN ARCHETYPAL AND DEVELOPMENTAL APPROACH
SEARCHING FOR THE WELLSPRING OF SPIRIT

Authorised translation from the English language edition published by Routledge, a member of the Taylor & Francis Group

Выражаем благодарность за помощь в реализации проекта Л. А. Хегаю (Московская ассоциация аналитической психологии) и Н. И. Сидоренко (Уральская ассоциация аналитической психологии и психоанализа)

© Nancy J. Dougherty, Jacqueline J. West, 2007
© Когито-Центр, 2014

Благодарности

К сожалению, мы не можем назвать поименно всех людей, которые содействовали появлению этой книги. Все они – учителя, воспитатели, друзья, коллеги, аспиранты и в особенности пациенты – вдохновляли и обогащали нас.

И все же из этого множества людей нам бы хотелось выделить нескольких человек, благодаря которым книга увидела свет. Среди них Джером Бернштайн, Гус Квик, Кейт Хос из издательства Рутледж, Катарин Джоунс, Том Келли, Клодетт Килкарни, Стэн Марлан, Кларисса Пинкола Эстес, Рон Шенк и Мюррей Стайн.

Кроме того, я, Нэнси Догерти, хотела бы выразить свою признательность Лоис Хан, Луеве Лернер, Харриет Гордон Махтигер, Лауре Мак-Гру, Шарон Смит и Биллу Уолкеру за их огромную поддержку, а также человеческое участие и доброту. А я, Жаклин Вест, хочу поблагодарить Джоан Буреш, Джима Боггса, Даниэля Бордело, Джоан Херцберг, Майкла и Вирджинию Кан, Дианн Нойманн, Мередит Иннинг и Тима Сандерсона за их непоколебимую веру в меня и бесценную дружбу.

Также хотелось бы отметить вклад наших юнгианских институтов, являющихся оплотом знаний и коллегиальности – Межрегионального общества юнгианских аналитиков, Института К. Г. Юнга в Чикаго и Института К. Г. Юнга в Санта-Фе.

Мы обе выражаем искреннюю благодарность нашим семьям и безмерно дорожим жизнеутверждающими дарами, которые преподнесли нам те, кто выросл рядом с нами, пока мы писали книгу: Джошуа и Девора (со стороны Жаклин Вест), Рэнди, Алекс и Джейми, а также Маргарет, Сюзанн и Джексон Рэндалл (со стороны Нэнси Догерти).

От всего сердца мы благодарим наших мужей. Их ежедневное присутствие в нашей жизни и любовь давали нам столь необходимую поддержку и стимул к работе. Я, Жаклин Вест, хочу признаться в том, что необычайно крепкая любовь Джеффри, его вдохновенное чувство товарищества и неповторимая индивидуальность украшают мою жизнь и воодушевляют меня. Я, Нэнси Догерти, выражаю свою глубочайшую признательность Сэнди. Его игривость, надежность и внимательность придают силы в повседневной жизни, а мечты о плавании в теплых морях сплотили нас в настоящую дружную семью.

И, конечно же, мы хотим поблагодарить друг друга за нашу дружбу, за дух товарищества и единое чувство смысла и цели – все то, что объединяло нас в работе над книгой. Обнаружив явные различия в характерах, мы с любопытством присмотрелись друг к другу и, движимые упорством и любовью, исследовали – ведя диалог – их сложные структуры. Благодаря диалогу мы не только пришли к пониманию того, каким образом структуры характера помогают защищаться и побуждают к отношениям и индивидуации, но и решились создать классификацию разных характерологических структур, которая собственно и является темой этой книги. Процесс написания очень обогатил нас и в личностном, и в профессиональном плане. Нам невероятно повезло, поскольку в этом путешествии мы стали друг для друга великолепными попутчиками.

И наконец, мы преисполнены благодарности нашим внутренним неиссякаемым источникам духа, так щедро питавшим нас в пути.

Введение

Дыхание Изида

Одним из источников вдохновения, побудивших нас к написанию этой книги, стал древнеегипетский миф об Изиде и Осирисе. Эта великая история любви и смерти на протяжении столетий трогала сердца людей, более всего тот момент, когда Изида своим дыханием возвращала к жизни расчлененное тело Осириса. Согласно мифу¹:

Божественная пара – Изида и Осирис – правила вселенной древних египтян в эпоху ее расцвета и благоденствия. Когда все пребывало в великой гармонии и целостности, злой брат Осириса – Сет, движимый завистью, решил захватить власть. Он взял своего брата в плен, разрубил его тело на несколько частей и разбросал их в долине Нила. В великой скорби бродила Изида по берегам реки, разыскивая и собирая в корзину расчлененные останки Осириса. Затем спустилась она в подземный мир и на алтаре соединила найденные части. Обернувшись птицей, взлетела Изида над телом своего мужа и осенила его своим дыханием. И пробудилось в Осирисе желание, и оплодотворил он жену свою. И родился от этого союза божественный ребенок, и нарекли его Гором, и стал он провозвестником нового мира.

Цель нашей книги – вернуть к жизни «тело» знаний о структурах характера, осенив его «дыханием» вечных мифологических тем, лежащих в основе человеческого развития. Как клиницисты, мы хорошо знакомы с терминологией, описывающей характерологические паттерны. Этот диагностический язык достаточно разработан и представляет собой необыкновенно богатый ресурс для понимания психических процессов. Но он теряет свою значимость и ценность, если применяется шаблонно и небрежно. На практике в своей конкретизированной и упрощенной форме он может звучать оскорбительно по отношению к пациентам и лишать терапию ее творческого потенциала. По этой причине многие терапевты неохотно пользуются этой терминологией. Действительно, наш клинический язык постоянно дифференцируется и все больше напоминает расчлененное тело Осириса: он дробится на дискретные и порой совершенно безжизненные куски. Мертвые слова – жизнь ушла. И, наоборот, наполненный жизнью термин, например «нарциссизм», обретает глубину и целостность, и таящийся в нем дух раскрывает себя в новом аутентичном смысле. Живой диагностический язык способен сделать клиническую работу не только эффективной, но и увлекательной, позволяя проникать в психические глубины и находить там нужное направление.

А каких представлений о структурах характера придерживаетесь вы? Задайте себе несколько вопросов: удобно ли вам пользоваться дифференцированным языком психопатологии? может быть, вы склонны воздерживаться от его использования? делите ли вы своих пациентов на тех, кто страдает неврозом, и тех, у кого присутствует характерологическое расстройство? влияет ли такое разделение на форму ваших интервенций? считаете ли вы, что используемые вами диагностические термины описывают нечто, присущее только вашим пациентам, или же они обозначают некие паттерны, общие для всех людей?

Мы пришли к выводу, что в основе бытия каждого человека лежит та или иная потенциально распознаваемая структура характера, которая с психодиагностической точки зрения

¹ Здесь приводится адаптированный вариант мифа из сборника «Тексты древнеегипетских пирамид» в переводе Фолкнера (Faulkner, 1969).

может быть описана как характерологическое расстройство. Такой взгляд представляется нам слишком зауженным, поскольку характер любого из нас раскрывается в континууме от структуры характера, которую можно считать естественным явлением, до собственно характерологического расстройства.

Смешения архетипической реальности и персональной истории, нуминозной энергии и раннего травматического опыта встречаются с защитами, выстроенными психикой в попытке создать безопасность, связность и постоянство. Взаимодействие этих факторов приводит к формированию опознаваемых структур характера. Таким образом, структура характера является индивидуальным портретом, который отображает архетипические темы и личные травмы, а также то, с чем удалось справиться, и то, от чего пришлось защищаться на том или ином этапе развития.

Этимологически слово «характер» происходит от греческого χαρακτήρ – «запечатлеть», однокоренного с латинским «archetypum», что значит «оригинальный, особый». Применительно к отдельному качеству или набору качеств «характер» обозначает поведенческий или личностный паттерн человека, его отличительные черты и свойства (Webster's Dictionary, 1983, p. 304). Учитывая разнообразные оттенки значения, можно сказать, что характер представляет собой серию особых зарубок на древе нашей личности. И, несмотря на то, что мы можем развивать гибкие и свободные эго-структуры, наша индивидуальность навечно «вырублена» – запечатлена в нашем характере.

Ядро любого характера содержит парадокс: с одной стороны, это защитная структура, с другой – адаптивная и обладающая потенциалом развития, наполненная вдохновляющим архетипическим присутствием. Таким образом, наши травмы, наша индивидуальность и наши способности напрямую связаны друг с другом. В самой структуре характера заложено зерно трансформации и индивидуации. Действительно, и в нашем собственном анализе, и в работе с пациентами мы не раз убеждались в том, что трансформация происходит не вопреки, а благодаря структурам характера. Именно благодаря нашим ранам, архетипическим по своей природе, мы получаем возможность исцелиться на самом глубоком уровне, пробудить творческие энергии и запустить процесс индивидуации.

Еще во время учебы и подготовки к аттестационным экзаменам и позже, когда уже началась наша аналитическая практика, мы обнаружили, что наш разговор заметно оживляется, когда мы начинаем переводить диагностические термины на язык архетипов. Но еще большее оживление воцарялось, когда мы обсуждали самих себя. Каждая из нас разбирала и описывала собственную личность и собственный психический ландшафт, пользуясь как традиционной терминологией, так и архетипическим языком. Мы все яснее видели, в какой форме паттерны, присущие нашим структурам характера, проявляются в нашей работе и жизни. А затем постепенно мы приступили к изучению того, каким образом эти паттерны влияют на наши взаимоотношения, а также на отношения с родственниками, друзьями и пациентами.

Мы описываем свой опыт, чтобы и в вас пробудился интерес к исследованию вашей базовой структуры характера. Разве вам, дорогой читатель, не любопытно узнать, какой характерологический паттерн наиболее точно описывает ваш собственный опыт? Может вы считаете, что ваш паттерн ближе всего к нарциссическому? Или он схож с пограничной динамикой? Или связан с шизоидной реальностью? Нелегко задавать вопросы на языке, который используется для обозначения степени ненормальности. Ведь такой язык, применяемый только по отношению к пациенту, незаметно отделяет его от терапевта. Мы предлагаем терапевтам, как бы трудно это ни было, распознавать и описывать собственные паттерны в этой же терминологии, и тогда мы выйдем за пределы плоскости иерархически-дистанцированных отношений, в которых есть лишь субъект и объект познания, и окажемся в пространстве взаимности. Продвигаясь вперед от главы к главе, спрашивайте себя, комфортно ли вам в той или иной характерологической реальности. Почувствуйте и примерьтесь к различным описаниям характера.

Разобравшись, какой паттерн является базовым в вашей структуре, проанализируйте, каким образом он влияет на ваши взаимодействия с окружающими.

Когда мы понимаем, что наш характер, с одной стороны, отражает нашу личную историю, а с другой – архетипическую реальность, мы погружаемся в более насыщенное интересубъективное пространство, в котором мы связаны с другими более разнообразно и творчески. В клинической практике терапевт сможет более точно чувствовать и понимать потребности пациентов, если будет учитывать то обстоятельство, что и его личность оказывает на них встречное воздействие в результате возрастающей настройки друг на друга. В аналитическом пространстве может возникать, например, и шизоидная, и пограничная, и нарциссическая динамика. Необходимо уметь распознавать эти мощные, сменяющие друг друга состояния, которые могут либо затмить, либо озарить терапевтические отношения. Где бы ни протекали эти процессы – в анализе или за его пределами, – их исследование может раскрыть наши сердца и пробудить воображение для постижения глубин человеческого опыта и смысла жизни.

Может быть, вам уже захотелось перескочить к следующим главам. Какая сказка вызывает у вас более сильный отклик: та, в которой говорится о злой королеве, или другая, о девочке, замерзшей в снегу? Вы все готовы отдать за любовь или, напротив, стремитесь сохранять самообладание любой ценой? Вас больше притягивает тот, кто остроумен, или тот, кто мудр? Некоторым из вас, прежде чем продолжить чтение нашей книги, не помешает ознакомиться с теоретической частью введения; другие же, наоборот, могут сразу перейти к основному тексту.

Матрица структур характера: архетипический подход и модели развития

Язык клинических описаний – это система образов. Явления, описываемые с его помощью, также изображаются в других символических системах, таких как сказки и мифы. На клиническом языке мы называем пациентов обсессивно-компульсивными, пограничными и т. д. На языке архетипов мы говорим, что в человека вселился Дионис или он живет в стеклянном гробу, или накрепко прилип к смоляному чучелку, или работает, как Золушка, и т. д. Руководствуясь знаниями о том, что оба языка символически представляют одну и ту же реальность, мы составили описания структур характера.

Используя мифологические темы и образы наряду с пониманием психопатологии, мы сплели полотно из нитей архетипической и клинической реальностей, на котором проступили девять взаимосвязанных структур характера. Наша модель доэдипальных структур соединяет современные психоаналитические представления о характере с юнгианским подходом к природе и динамике психики. Эти девять структур характера являются не столько типологической системой, сколько представляют собой упорядоченные диагностические и архетипические образы, объединенные в мифопоэтическую модель. Мы признаем, что это лишь один из возможных взглядов на структуру характера². Составляя свой словарь клинических терминов, мы пользовались несколькими источниками, но чаще всего обращались к работе Маквилльямс (McWilliams, 1994), в которой она умело обобщила результаты многолетних исследований Юнга, Фрейда, Кернберга, Миллона, Кохута, Штерна, Боулби, Фейрберна, Винникотта, Гантрипа и многих других психоаналитиков и психологов.

Наша Матрица показывает, что девять структур характера привязаны к этапам раннего развития и архетипическим темам. Развиваясь, психика каждого человека проходит через три разные стадии, характеризующиеся разной степенью выделения Эго из коллективного бессознательного. Мы дали им следующие названия: примитивная, или ранняя, нарциссическая и преневротическая. Человек усваивает также один из трех специфических паттернов отношений: избегающий, ищущий или антагонистический. Паттерн отношений, который, собственно, и определяет жизнь человека, возникает из совокупности факторов, в которую входят архетипические силы, биологическая предрасположенность, условия развития, а также элемент случайности или то, что называется тайной жизни. Три структуры характера, образующиеся вокруг паттерна отношений, описываются в тематически связанных, но при этом совершенно непохожих образах, сказках и жизненных историях. Такой «портрет» мы называем ландшафтом характера.

Все девять структур характера одна за другой обрисовываются в отдельных главах этой книги. Портрет каждой структуры создается с помощью амплификаций к сказкам, мифам, стихотворениям, произведениям живописи и литературы. Однако прежде чем приступить к чтению глав книги, следует ознакомиться еще с несколькими вводными комментариями. Сначала мы рассмотрим особенности всех стадий развития, а затем расскажем, как на каждой из этих стадий проявляется базовый паттерн отношений.

² Есть ряд часто упоминаемых *расстройств*, которые не включены в нашу Матрицу. Некоторые из них, такие как паническое расстройство, диссоциативное расстройство и посттравматическое стрессовое расстройство, представляют собой клинические синдромы, причиной возникновения которых являются серьезные биологические или социальные травмы (Van der Kolk et al., 1996). Травматический стресс на ранних стадиях развития может весьма негативно сказаться на способности психики к дифференциации и разрушить саму основу формирующегося характера. Всестороннее исследование клинических синдромов, то есть диагнозов, расположенных по Оси I, не входит в круг тем, рассматриваемых в данной главе. Кроме того, по нашему мнению, некоторые *динамические процессы*, например диссоциация, садизм/мазохизм и паранойя, могут обнаружить себя в рамках тех девяти характерологических расстройств, которые мы описываем в этой книге.

Стадии развития

Подобно многим теоретикам (Fairbairn, 1954; Neumann, 1954; Jung, 1956a; Edinger, 1972; Fordham, 1974; Eigen, 1986), мы полагаем, что человеческое развитие начинается в состоянии единства, которое символически воплощается в таких образах, как уроборический союз, психическое ядро, древнее единое Эго, святая святых, безымянный создатель или Самость. Классическая аналитическая психология уже ответила на вопрос, каким образом Эго развивается из Самости, то есть как сознание дифференцируется от бессознательного. Эдингер расширил этот базовый посыл, выдвинув предположение о том, что напряжение, неизменно возникающее между Эго и Самостью в процессе дифференциации сознания от бессознательного, приводит к формированию оси Эго—Самость (Edinger, 1972). Современная юнгианская теория дополнила эти идеи более детальными соображениями о том, как на развитии отношений Эго и Самости сказывается взаимодействие ребенка с его окружением, то есть с теми, кто заботится о нем³. Объединив все эти взгляды, мы выделили три стадии развития.

Характер формируется как под влиянием внутренней врожденной предрасположенности, так и под воздействием внешнего окружения. Знание основных положений теории сложных систем и понимание неленной динамики развития позволяют не приписывать главной роли ни одному из этих факторов. Лишь учитывая напряжение, порожаемое этой неопределенностью, мы можем попытаться описать конфигурации, возникающие в ходе развития ребенка в соответствующем возрасте. В нашем представлении стадии развития – это нарративы о самых распространенных процессах, возникающих в рамках сложной системы взаимодействий между Самостью, Эго и миром отношений с другими. Мы рассматриваем стадии развития в качестве одного из элементов «композиции, которая в большей степени является калейдоскопической, нежели линейной и монолитной» (Harris, 2005, p. 8). Другим элементом «композиции» является базовый паттерн отношений, активизация которого на той или иной стадии развития приводит к формированию структуры характера.

Матрица структур характера

Стадии формирования оси Эго—Самость	Базовые паттерны отношений			
		Ищущий	Антагонистический	Избегающий
	Преневротическая стадия	Истерическая структура характера	Пассивно-агрессивная структура характера	Обсессивно-компульсивная структура характера
	Нарциссическая стадия	Зависимо-нарциссическая структура характера	Альфа-нарциссическая структура характера	Контрзависимая нарциссическая структура характера
	Примитивная стадия	Пограничная структура характера	Психопатическая структура характера	Шизоидная структура характера
	Динамическое качество паттерна отношений	Цепляние или запутывание	Доминирование	Инкапсуляция
	Преобладающая форма выражения коллективного бессознательного	Аффект	Агрессия и контроль	Интеллект и воображение

Прежде чем перейти к описанию каждой из трех стадий развития, хотелось бы пояснить, что мы имеем в виду, когда говорим об архетипе и оси Эго—Самость. Для нас это, с одной

³ Исследования детского поведения все чаще подтверждают тот факт, что с момента рождения ребенок уже обладает возможностью выбора и некоторой степенью автономии. В связи с этим, когда речь идет о формировании структуры характера, мы обращаем особое внимание на динамические процессы, связанные с образованием внутриспсихических и межличностных защит.

стороны, образные конструкты, с другой – некие вполне автономные сущности, которые обладают особой, не постижимой до конца природой, проявляющейся в психическом опыте и оказывающей влияние на развитие человека. Архетипические переживания или опыт связаны с теми аспектами бытия, которые символизируют вечное и нуминозное, они часто биполярны и наполнены благоговением и ужасом. В психике они проявляются в образах, аффектах и действиях.

Ось Эго—Самость – это метафора, описывающая систему, которая формируется в результате взаимодействия сознания и бессознательного. Вслед за многими юнгианцами (Шульманом, Бернштейном, Вилкинсоном, Кноксом, Хогенсоном) мы попытались применить положения теории комплексных адаптивных систем для описания внутреннего устройства психики. С точки зрения теории сложных систем, ось Эго—Самость представляет собой самоорганизующуюся, комплексную адаптивную систему, способную к самовоспроизведению. В этой системе реализуется так называемая аутопойетическая динамика (от *гр.* αὐτός – сам, ποίησις – создание), для которой характерны взаимосвязанные процессы разрушения и трансформации компонентов (Maturana, Varela, 1991). В этих процессах, порождающих и реализующих друг друга, проявляется фундаментальная взаимодополняемость структуры и функции. В этом смысле Эго и Самость как компоненты целостной системы реализуются и трансформируются в процессе функционирования оси Эго—Самость. В действительности дифференциация Эго и Самости, а также развитие диалога между ними – проявления процессов разрушения и трансформации, свойственных самоорганизующейся системе. Непрерывно обновляясь, ось Эго—Самость порождает опыт, который мы называем архетипическим и нуминозным.

С юнгианской точки зрения, психика, подобно любой самоорганизующейся системе, представляет собой совокупность процессов, в данном случае сознательных и бессознательных. В этой системе Эго является центром сознательной личности, а Самость – центром всей психики. При этом мы не рассматриваем Самость как нечто буквальное – как некую материальную структуру, распознаваемого другого или конкретную божественную сущность, управляющую миром (Jung, 1943, par. 32). Под ней мы понимаем объективную реальность, в которой вселенский смысл переплетается с субъективным человеческим бытием. Самость можно символически уподобить неведомой силе, неявленному присутствию, вдохновляющему источнику и т. д. Эти символические формы привели Юнга к пониманию Самости как архетипа целостности – упорядочивающего и объединяющего центра психики.

Эго ребенка, рождающегося в состоянии единства со всем сущим, постепенно дифференцируется от Самости. Ребенок научается отделяться от бессознательного, или, другими словами, от архетипической реальности, но все же остается динамически связанным с ней. Он вынужден справляться со сложными и часто фрустрирующими переживаниями, вызванными архетипической реальностью, а также соматическими, аффективными и когнитивными факторами взаимодействиями с окружающими.

Когда переживания становятся угрожающими, у ребенка естественным образом включаются защиты. Используемые многократно на протяжении долгого времени, эти защиты наносят вред отношениям Эго и Самости. Они делают ось Эго—Самость ригидной, а придавая ей жесткость, тем самым лишают Эго и бессознательное способности контактировать друг с другом. Образно можно представить, что защиты блокируют поток энергии вдоль оси Эго—Самость и таким образом разрушают зарождающийся между ними диалог. Эта защитная блокада надежно изолирует Эго не только от потенциально всеобъемлющей власти Самости, но и от ее нуминозности, богатства и изобилия. В результате человек может оказаться почти полностью отрезанным от неиссякаемого источника жизни, собственной аутентичности, душев-

ных и телесных переживаний. Затопленный бессознательным или отрезанный от него, человек наглухо закрыт от великих тайн жизни⁴.

Общее описание примитивной стадии

Самая ранняя стадия развития – «примитивная» – охватывает первые 18 месяцев жизни. В течение этого периода новорожденный как бы находится «один на один со вселенной». Пребывая в состоянии только-только зарождающегося сознания, ребенок склонен воспринимать мир исключительно в архетипических образах. Для слабого младенческого Эго все окружающее выглядит преувеличенно, подобно тому как мы, взрослые, видим сказочных героев: вот ведьма, вот королева, а вот принц на белом коне или ужасное чудовище. Ребенок видит реальность в нуминозном, архетипическом аспекте. Так, хмурый взгляд матери может восприниматься как угрожающая жизни ярость, а ее кратковременное отсутствие переживаться как вечное пребывание в аду.

Поскольку нарождающееся Эго не дифференцировано в достаточной мере от бессознательного, архетипическое царство то и дело легко затягивает его обратно. Другими словами, психика ребенка, пытающегося отстоять свои первые, ранние победы в дифференциации (младенец стремится отделиться от матери, Эго – от Самости), постоянно сталкивается с угрозой быть заново поглощенным бессознательным. Стрессовая ситуация, коей является возможная регрессия в состояние недифференцированности, заставляет ребенка применять особые защиты. К ним относятся классические примитивные защиты – расщепление и проективная идентификация (McWilliams, 1994, p. 112)⁵. Они названы примитивными не только потому, что используются в таком раннем возрасте, но и потому что являются достаточно радикальными по своему воздействию. Они надежно изолируют одни части психики от взаимодействия с другими ее частями и/или от взаимодействия с окружающими⁶. Юнгианские психоаналитики выделяют еще и ранние защиты Самости (Stein, 1967; Fordham, 1974). Они приводятся в действие, когда связное Эго еще не сформировано, следовательно, «управление» ими осуществляет не Эго, а более глубокий центр психики (Kalsched, 1996, p. 1–3). Эти защиты часто персонифицируются архетипическими фигурами, которые оберегают таинственную внутреннюю сердцевину личности, другими словами, Самость. Фактически психика ребенка пытается защитить целостность от непереносимых внутренних и внешних угроз. Мы также считаем, что, помимо примитивных защит Эго и защит Самости, ребенок может использовать в защитных целях и паттерн отношений: избегающий, ищущий и антагонистический. Сочетание всех этих разнообразных защит в итоге и помогает нарождающемуся Эго сохранить с трудом завоеванную дифференциацию и уберечь Самость. Комбинация из нескольких видов специфических защит, используемая чаще всего, и определяет формирование базовой структуры характера.

⁴ Существование гендерной реальности в психике и в жизни – это вызов аутентичности, на который постоянно приходится отвечать, поэтому мы решили попеременно использовать в тексте местоимения «он» и «она». В ответ некоторые наши коллеги заявили, что чередование гендерных местоимений вносит путаницу и сбивает с толку, а в ряде случаев описывает патологию как исключительно женскую. Другие же с одобрением восприняли такое уравнивание полов, которое «пробудило в них» дополнительный интерес к теме. Мы сожалеем, если принятое нами решение об использовании гендерных местоимений вызовет путаницу или причинит неудобство читателям.

⁵ Маквилльямс отмечает, что, хотя в целом расщепление и считается защитой Эго, в некоторых случаях оно явно отражает «состояние, предшествующее стадии целостного восприятия объекта и интеграции Эго» (McWilliams, 1994, p. 112). Мы используем термин «расщепление» именно в значении «самое раннее состояние, предшествующее формированию Эго».

⁶ Стадию развития, на которой ребенок часто применяет расщепление и проективную идентификацию в качестве защит, Мелани Клайн назвала параноидно-шизоидной позицией (Klein, 1946, p. 2). Пользуясь собственной терминологией, она подробно описывает, каким образом проецирование нежеланных отщепленных частей Я или Эго на других приводит к возникновению параноидного состояния и к шизоидному истощению (Hinshelwood, 1989, p. 156).

Если ребенок развивается в благоприятных условиях, то его защиты не становятся ригидными и жесткими, у него формируется способность гибко перерабатывать опыт реальности; он постепенно усваивает, что человеческая жизнь многомерна и изменчива. Но чем более угрожающей является внутриспсихическая или межличностная реальность, тем чаще он прибегает к негибкому, ригидному использованию ранних защит. Именно об этом говорит Маквилльямс. По ее мнению, защиты вначале существуют лишь как формы здоровой творческой адаптации, которые при их многократном и негибком применении в ситуации непреодолимой угрозы превращаются в то, что мы, собственно, называем термином «защита» (McWilliams, 1994, p. 97).

Специалисты в области нейробиологии особо подчеркивают тот факт, что построение защитных структур на раннем этапе развития препятствует формированию сложных нейронных сетей. Шор разъясняет это следующим образом: если ребенок не имеет возможности взаимодействовать с эмоционально чутким и отзывчивым опекуном, образуя с ним открытую динамическую систему, то его кортико-лимбические структуры оказываются неподготовленными к принятию хаотической динамики, свойственной человеческим отношениям. «Такая система имеет тенденцию становиться статичной, закрытой и окружает себя защитными структурами с целью оградиться от возможных внешних нападений, которые могут вызвать дезинтеграцию и тяжело переживаемые психобиологические состояния. Окруженный защитами ребенок в дальнейшем сторонится всего незнакомого и не открывается навстречу новому обучающему опыту, который необходим для «полноценного развития правого полушария мозга». А такое структурное ограничение в будущем также отрицательно сказывается на способности к самоорганизации (Schor, 1997, p. 624).

Несмотря на то, что защиты стремятся усилить и укоренить естественную для ребенка склонность видеть мир в абсолютных образах, они одновременно помогают закрепить дифференциацию Эго от бессознательного, тем самым оберегая его от тотальной дезорганизации и утраты пока еще слабой связи с реальностью. Именно укрепление дифференциации и является основной задачей на примитивной стадии психологического развития.

Общее описание нарциссической стадии

Нарциссизм как стадия развития связан с переживанием чувств грандиозности и всемогущества, эксгибиционизмом и дальнейшим формированием отношений между Эго и Самостью. Он охватывает период от 1,5 до 2,5 лет и ставит перед ребенком ряд задач, решение которых определяет будущий тип его характера.

На этой стадии дифференциация Эго продолжается. И при условии, что окружение ребенка и его согласованность с родителем достаточно хорошие, происходит увеличение внутриспсихического пространства, в результате чего зарождается способность к рефлексии. Расширение пространства внутриспсихического мира совпадает с новым ощущением пространства между ребенком и его опекунами во внешнем мире. В межличностном пространстве ребенок получает возможность находить и получать родительское отзеркаливание, а также переживать идеализацию значимого другого, что содействует развитию у него здорового нарциссизма, который проявляется в ощущении компетентности, связности и устойчивости, а также в наличии творческого взаимодействия между Эго и Самостью.

Но если согласованность в паре родитель—ребенок на данной стадии недостаточно хорошая, то есть ребенок не получает адекватного отзеркаливания или отсутствует человек, которого можно идеализировать, тогда нарциссическая динамика начинает использоваться в защитных целях, а именно для сохранения достигнутой психической целостности. В результате ось Эго—Самость превращается в ригидную конструкцию, лишенную возможности развития – процесс дифференциации Эго от Самости прекращается, затрудняя формирование внутреннего пространства, столь необходимого для развития рефлексивного сознания. При

этом Эго попадает в опасную ситуацию инфляции, раздуваясь от архетипического всемогущества и грандиозности (Schwartz-Salant, 1982, p. 19). Нарциссические защиты отгораживают Эго ребенка от невыносимого стыда и потенциально травмирующего опыта, помогая ему избежать пугающей регрессии на предыдущий уровень развития – примитивную стадию.

Общее описание преневротической стадии развития

Нарциссическую сменяет преневротическая стадия развития с ее собственными задачами и вызовами, которая охватывает период от 2,5 до 4 лет. На этом этапе ребенку больше не надо направлять свою психическую энергию на дифференциацию Эго и формирование оси Эго—Самость. Наступает время войти в более просторный и сложный мир и построить с ним отношения. Ребенок пребывает в некоем промежуточном пространстве: он выходит из диадных и стремится к сложным триадным отношениям. Он уже не на руках у матери, но еще не вовлечен в эдипальную борьбу. Продвигаясь вглубь триадных отношений, он сталкивается с влечением, соперничеством и чувством вины.

Термин «преневротический» был введен К. Хорнер в 1991 году для обозначения уровня отношений с объектом, которые являются более зрелыми по сравнению с пограничной организацией, но менее зрелыми по сравнению с невротической. Маквильямс дает подробное описание зрелых защит, применяемых на данном этапе развития. К ним относятся подавление, рационализация, аннулирование, обращение против себя, компартаментализация и вытеснение (McWilliams, 1994, p. 117). Как и примитивные защиты самой ранней стадии, зрелые защиты преневротического этапа изначально являются обычными инструментами психологической адаптации, но, используемые часто и негибко, они становятся препятствием на пути развития. Они сковывают Эго и не дают ему развивать активный диалог с Самостью. По сути, эти защиты создают разрыв в оси Эго—Самость, изолируя сознание от бессознательного. За приобретенную таким образом независимость от бессознательного Эго вынуждено расплачиваться подспудным ужасом перед регрессией, сулящей дезинтеграцию к примитивной стадии.

Базовые паттерны отношений

Избегающий, ищущий и антагонистический

Три стадии развития, которые мы описали выше, вступают во взаимодействие с тремя отличимыми друг от друга паттернами отношений. Для одного из них мы выбрали название *избегающий*, для второго – *ищущий*. В своем выборе мы опирались на работы Френсис Тастин, которая, изучая поведение детей, имеющих нарушения в развитии, выделила два типа динамики – инкапсуляцию и цепляние/запутывание (Tustin, 1990)⁷. Согласно наблюдениям Тастин, в ответ на фрустрирующую и травматическую ситуацию одни дети движутся от опекуна, другие – навстречу ему. В нашей Матрице движение от других с образованием некой защитной капсулы составляет основу избегающего паттерна отношений. Движение навстречу опекуну с образованием спутанности и слияния формирует ядро ищущего паттерна. В случае серьезной фрустрации и достаточно тяжелой травмы эти паттерны действуют и как межличностные защиты, работая вкупе с внутриспсихическими защитами, типичными для той или иной стадии развития.

Третий паттерн отношений – *антагонистический*. Он отражает сущность людей, которые, как говорила Хорни (Horney, 1939), «противодействуют другим». Каждый ребенок в возрасте 9 месяцев сталкивается с необходимостью преодолеть «страх Чужого». Если у ребенка нет надежной привязанности и эмоциональной связи с опекуном, то он может подпасть под власть «чужого селф-объекта», который воспринимается как хищник-преследователь (Grotstein, 1982, p. 63). С юнгианской точки зрения, такой «чужой селф-объект» – это нечеловеческий, архетипический «иной», который часто отождествляется с темной стороной трикстера и способен легко подчинить себе незрелую психику. Такое явление, когда «Эго захвачено архетипической фигурой», Юнг называл одержимостью (цит. по: Hart, 2001, p. 92).

Современные исследования в области нейробиологии объясняют, каким образом неудача в установлении привязанности приводит к ситуации одержимости архетипической фигурой Чужого. Благодаря последовательному поступательному выстраиванию привязанности между матерью и ребенком нейроны связываются друг с другом в нейронные сети, что в итоге запускает или активирует связи между мозговым стволом и лимбическими структурами. Однако если здоровому ребенку достается угрожающая материнская фигура, то у него не складываются столь необходимые привязанности, содействующие эмоциональному развитию и формированию зрелой нервной системы. Ребенок не испытывает важных для него ощущений, которые позволили бы нейронным сетям полноценно сформироваться и соединить мозговые и лимбические структуры, отвечающие за эмоциональные переживания. Поскольку сети «недогружаются», происходит их усечение. А неиспользуемые, они атрофируются. Таким образом наносится серьезный урон дальнейшему эмоциональному развитию (Schore, 2003a, b).

По причине отсутствия необходимых нейронных связей, что обусловлено неудачей в установлении межличностных привязанностей, ребенок идентифицирует себя с темной, хищ-

⁷ Британский аналитический терапевт Френсис Тастин, наблюдая за детьми, страдавшими аутизмом и психозами, ввела понятия «инкапсуляция» и «спутанность (слияние)», чтобы описать и дифференцировать свойственные им типы поведения. Некоторые аналитические теоретики интегрировали и расширили ее концепцию в своих исследованиях различных характерологических расстройств, встречающихся у взрослых пациентов (Bion, Grotstein, Ogden). Другие авторы предложили аналогичные классификации. Миллон (Millon, 1981), к примеру, выделяет два базовых континуума – истерический и шизоидный, в которых располагаются существующие личностные «стили». Истерический континуум образуют люди, которым свойственна чрезмерная привязанность и, как следствие, чрезмерная зависимость от других в том, что касается одобрения и поддержки, а в шизоидный континуум входят люди, которые, вследствие недостаточной привязанности к другим, склонны полагаться исключительно на самих себя, когда дело касается одобрения и поддержки.

нической стороной трикстера и усваивает антагонистический паттерн отношений. У него, захваченного этой фигурой, всё и все вызывают враждебность или антагонизм: опекуны, окружающие и даже собственный внутренний мир. Манипулирование, доминирование и агрессивный контроль используются в качестве защитных маневров. Как и в других паттернах отношений, ригидность межличностных защит антагонистического паттерна находится в прямой зависимости от тяжести нарушений в детском развитии.

Архетипические ландшафты паттернов

По мере формирования защит вырисовывается не только специфическая динамика межличностных отношений, но и характерные архетипические ландшафты. Человек с избегающим паттерном очарован образами архетипического мира – его бескрайностью и вечностью. Он отстраненно бродит в его холодной и гулкой пустоте «в сопровождении» собственного интеллекта и воображения. Человек ищущего паттерна заворочен экстазом и глубиной отношений. Под властью архетипического аффекта он погружается в хаос разрывающихся и вновь образующихся связей. А человек с антагонистическим паттерном, захваченный архетипическим хищником, живет в реальности доминирования и подчинения, добиваясь своих целей с помощью угроз и физической силы. Паттерны, в которых стойко проявляются вышеописанные архетипические темы, сплетаются с динамикой развития, порождая несколько структур характера, отличных друг от друга.

Структуры характера

Структура характера является «сборным продуктом» (soft-assembly) (Harris, 2005, p. 18), поскольку появляется в результате наложения паттерна отношений на стадию развития. Таким образом, каждая структура характера представляет собой уникальное сочетание внутриспсихических защит, свойственных той или иной стадии развития, и межличностных защит, основанных на том или ином паттерне. Если эта комбинация защит используется ригидно, то и сама структура характера превращается в защитный паттерн.

Каждый из трех паттернов отношений – избегающий, ищущий или антагонистический – проявляется по-своему на разных стадиях развития. Сущностные характеристики каждого паттерна отношений наиболее ярко проступают на примитивной стадии, где архетипические образы, аффекты и действия предстают в своем самом «грубом и сыром» виде. Если характер человека закладывается на примитивной стадии, то при ее взаимодействии с избегающим паттерном формируется шизоидная структура характера, с ищущим – пограничная, а с антагонистическим – психопатическая.

При сочетании нарциссических защит, используемых ребенком в ходе развития, с уже закрепившимся паттерном и лежащим в его основе архетипическим ландшафтом возникают три отличных друг от друга формы нарциссизма. Если характер человека закладывается на нарциссической стадии, то при избегающем паттерне у него развивается контрзависимая нарциссическая структура характера, при ищущем – зависимая нарциссическая, а при антагонистическом – альфа-нарциссическая⁸. Все три нарциссические структуры используют нарциссическую динамику в защитных целях, оберегая связь Эго и Самости, но делают это по-разному. Так, контрзависимый нарцисс, защищаясь, уходит в архетипически заряженный мир интеллекта и воображения, зависимый нарцисс впадает в глубокий и сильный аффект, а движимый архетипической энергией альфа-нарцисс совершает манипулятивные, хищнические действия. Мы считаем, что такая классификация дает ответы на многие вопросы, неизменно возникающие при диагностике и терапии нарциссизма.

И наконец, преневротическая стадия развития со свойственными ей эго-защитами. На этой стадии у ребенка с избегающим паттерном формируется обсессивно-компульсивная структура характера, у ребенка с ищущим паттерном – истерическая, а с антагонистическим – пассивно-агрессивная.

Мы прекрасно понимаем, что личность человека нельзя втиснуть в какую-то одну категорию, как и то, что одна категория не дает исчерпывающего описания человека. Нам бы хотелось, чтобы и вы, наши читатели, воспринимали предложенные концепции символически, как творческую игру ума. Помните о них, когда общаетесь с другими или размышляете о самих себе. Мы делимся своими соображениями, чтобы прояснить некоторые аспекты, а не дать их точное определение. Наши идеи могут помочь полно и ясно осознать базовую структуру характера, которая благодаря своей архетипической природе не только соединяет человека с его собственной творческой энергией, но и с источником вселенского смысла. Кроме того, понимание человека становятся доступны все остальные структуры и паттерны, несмотря на то, что основу его личности всегда составляла и будет составлять одна конкретная структура характера. В действительности чем более индивидуализирован человек, тем активнее другие паттерны проявляются в его жизни, дополняя его базовую структуру характера. И мы ни в коем

⁸ Характеристики и внутриспсихическая динамика альфа-нарциссизма, по сути, сходны со злокачественным, или патологическим, нарциссизмом, описанным Отто Кернбергом (Kernberg, 1975). Мы решили использовать описательный термин «альфа», чтобы подчеркнуть социальный аспект этого характерологического расстройства и «хищническую» динамику, которую альфа-нарцисс воплощает и отыгрывает на окружающих.

случае не считаем, что предложенные нами девять структур характера могут дать исчерпывающее описание личности во всей ее уникальности⁹.

⁹ При объяснении психодинамических процессов не следует руководствоваться только лишь данными биологических и нейробиологических исследований. Если некое исследование выявляет биологический субстрат или основу конкретной структуры характера, это не значит, что он является «причиной» формирования этой структуры. «Причина» есть результат взаимодействия в течение определенного промежутка времени целого комплекса переменных, среди них – генетические, нейробиологические, анатомические, межличностные, психологические, эволюционные и архетипические. Вопрос причинно-следственных связей, с точки зрения взаимодействия духовного и телесного, мы так или иначе будем исследовать на протяжении всей нашей книги.

Регрессия, тень и интерсубъективное поле

Регрессия

Мы уже несколько раз упоминали о регрессии, когда обсуждали паттерны отношений. Юнг неоднократно подчеркивал важность регрессии, которая возвращает человека в «пренатальное» состояние, в темноту бессознательного, где «дремлет божественное дитя, терпеливо ожидая своего воплощения в сознании. Этот ребенок есть зародыш целостности». (Jung, 1956a, par. 508–510). Регрессия как важный созидательный процесс происходит на всех стадиях развития, выделенных нами. Мы заметили, что и ребенок, пытающийся отстоять завоеванную на примитивной стадии дифференциацию, и взрослый, структура характера которого закладывалась в этот период, испытывают угрозу быть снова поглощенными бессознательным. Подобным же образом ребенок, сталкивающийся с вызовами нарциссической стадии, и взрослый, чья структура характера начала формироваться на этом этапе развития, подвергаются опасности регрессировать сначала в примитивную стадию, а затем в бессознательное с его пугающим отсутствием дифференциации. Точно так же поступательно может регрессировать в архетипическое недифференцированное пространство и человек, чей характер оформлялся на преневротической стадии.

Так, работая с человеком, имеющим зависимую нарциссическую структуру, можно наблюдать, как в ходе аналитической сессии или в ситуации дезинтегративного стресса он регрессирует в пограничное состояние. Он может обратиться к использованию примитивных защит, таких как расщепление и проективная идентификация, и вести себя нетипично, оказавшись во власти «грубых» архетипических аффектов, хаотичных и разрывающих на части. Точно так же в работе с истерическим пациентом нужно быть готовым к тому, что при исследовании своих ранних детских воспоминаний и аффектов он в конечном счете регрессирует в пограничное пространство. Чтобы помочь психике перестроиться, пациент должен не только проработать базовую структуру своего характера, но и вернуться в более ранние состояния, предшествующие ее формированию.

Созидательная регрессия, хорошо проработанная в рамках переноса, может способствовать реструктуризации защит и трансформации отношений Эго и Самости. Однако регрессия вызывает сопротивление, что в общем не удивительно, поскольку ранние состояния скрывают более дезинтегрирующую и, следовательно, менее функциональную динамику по сравнению с состояниями поздних стадий развития. Регрессия действительно может восприниматься и переживаться как коллапс, предательское отступление и ужасное поражение. Безусловно, справиться с более примитивными состояниями предшествующих этапов намного труднее, но именно они образуют фундамент нашего развития. Поэтому как бы тяжело ни было, аналитическое исследование ранних паттернов необходимо для того, чтобы интегрировать их динамические резервы, которые ригидно отвергаются защитами, сформировавшимися на более поздних стадиях. Когда эта примитивная динамика выводится на уровень сознания, человек получает прямой доступ к источнику витальной силы и аутентичности, расположенному в самой сердцевине психики. По мере того как он освобождается от жестких оков защит, его столкновения с Самостью во время спуска в подземный мир становятся все более напряженными, сокрушающими и дезорганизующими. По словам Юнга, «переживание Самости всегда наносит поражение Эго» (Jung, 1955, par. 778). Но если человек оказывается в состоянии принять это неизбежное поражение, сохранив целостность сознания, то благодаря возобновленному диалогу между Эго и Самостью он сможет прожить свою жизнь творчески и смиренно, будучи глубоко укорененным в ощущении своей внутренней силы.

Тень

Как уже отмечалось, в рамках любого паттерна отношений во время его проработки может произойти регрессия к предшествующим стадиям развития. А возможен ли некий переход из одного паттерна в другой? Сможет ли, например, человек с ищущим паттерном воспринять динамику избегающего и антагонистического паттернов? Мы считаем, что структуры характера, образующие разные паттерны, выполняют роль теневых элементов по отношению друг к другу. Задачи разных стадий развития человек разрешает с помощью средств одного конкретного паттерна, поэтому свойства двух других остаются для него явно *чуждыми* или *инородными*. Так, развитие человека с зависимой нарциссической структурой характера проходило в пределах ищущего паттерна, следовательно, люди, чьи структуры характера формировались в избегающем или антагонистическом паттерне, будут для него совершенно *иными*. Эта инаковость может вызывать восхищение, зависть, ненависть, безразличие, отвержение – именно так мы реагируем на теневые элементы. Однако некоторые из этих инаковых или теневых элементов человеку необходимо принять, чтобы достичь состояния целостности.

Юнгианцы давно придерживаются того мнения, что столкновение с тенью содействует исцелению и индивидуации. Узнавание различных структур характера может обогатить нашу способность видеть и взаимодействовать с «иным». Например, если в ходе анализа зависимый нарцисс регрессирует в пограничное состояние, это значит, что его теневые элементы могут оказаться в избегающем или антагонистическом паттерне, то есть в работе, вероятно, придется столкнуться с маневрами избегания и контроля. В конечном итоге эти переживания могут вести его к осознанному использованию этих механизмов и, следовательно, способствовать индивидуации.

Так сложилось, что юнгианцы хорошо обучены распознавать теневую сторону личности и работать с ней. Однако следует признать, что для подробного описания особенностей развития недостаточно только архетипического языка. Сегодня в поле психоанализа и юнгианской психологии больше внимания уделяется ранним детским переживаниям как в теоретическом, так и в практическом ракурсе. Благодаря такой направленности у нас появляется возможность усовершенствовать терминологию, применяемую для описания раннего, архетипически окрашенного опыта. Сейчас мы уже более четко понимаем, чувствуем и характеризуем паттерны, возникающие в период имплицитной памяти, то есть до формирования речи и эксплицитной памяти. Соединение новых представлений о развитии и архетипических амплификациях позволяет передать различия между вызывающим напряжение эмоциональным хаосом пограничной реальности, вечно замороженной бесконечной ужасающей пустотой шизоидного мира и непрекращающейся неусыпной борьбой за господство антагонистического паттерна. Благодаря все более четкому и ясному пониманию этих различий мы можем по-настоящему разобраться в том, какой паттерн является теневым по отношению к другому.

«Погружение в подземный мир», или, другими словами, созидательная регрессия и соприкосновение с «иным», дает человеку возможность воссоединиться с ощущением глубины и целостности и вступить в аутентичные отношения с Самостью. Регрессия, осознание теневых аспектов личности и конфронтация с ними приобретают важную роль в терапии ригидных структур характера. Последние исследования в области нейронаук привели к важному открытию: репаративная терапия влияет на пластичность мозга. По мнению Уилкинсона, «можно предположить, что в ходе аналитического процесса... в коре головного мозга образуются новые нейронные связи... их формированию способствует перенос, в рамках которого прошлое соединяется с настоящим и ранний эмоциональный опыт может быть вновь пережит и проработан» (Wilkinson 2005, p. 490). Можно сказать, что в пространстве осознанных, хорошо

согласованных связей ригидное, ограничивающее действие защитных структур ослабевает, а жизнь постепенно наполняется динамизмом, энергией и близкими отношениями.

Регрессия и тень в интерсубъективном поле

Глубокое понимание регрессии и теневой динамики помогает терапевту не только тоньше чувствовать переживания пациента, но и полнее понимать процессы, протекающие в интерсубъективном поле, что немаловажно. Кроме того, аналитику необходимо досконально изучить собственную структуру характера, в том числе свойственный ему тип регрессии и теневой динамики. Тогда он сможет понять, каким образом его переживания взаимодействуют с переживаниями пациента. Терапевт с зависимой нарциссической структурой характера и, например, терапевт с контрзависимой нарциссической структурой характера будут совершенно по-разному воспринимать пациента с пограничной структурой. Мы считаем, что очень важно правильно распознать и хорошо изучить эти различия, поскольку сложные взаимодействия наших многогранных структур характера являются невероятно ценным источником информации и трансформирующей энергии.

Дополнительные комментарии

Видение Гора

В начале этой главы мы рассказали о том, что дыхание Изида вернуло к жизни расчлененное тело Осириса и благодаря их воссоединению на свет появился божественный ребенок Гор – провозвестник нового мира. Царство Изида и Осириса, где царила гармония, процветало сельское хозяйство, почитались музыка и духовность, оказалось отщепленным от собственных теневых элементов. Поэтому злодей Сет, брат Осириса, являвшийся носителем этих отрицательных аспектов, и сверг его с престола. Новый царь Гор, имя которого означает «высоко над всеми», изображается в облике ястреба или сокола, а вместо глаз у него солнце и луна. Он воплощает видение перспективы, способность воспринимать жизнь всесторонне. Он устанавливает в мире новый баланс сил.

Миф об Изиде и Осирисе пробудил в нас намерение, прибегнув к архетипическим амплификациям, оживить накопленные знания о структурах характера и попытаться привести к единству раздробленную терминологию, используемую для обозначения психопатологий. В мифе после воскрешения Изидой расчлененного тела Осириса рождается Гор. Видение Гора сравнимо с осознанным восприятием. У нас эта история ассоциируется с образом живого «клинического» языка, который может пробудить к жизни сознание, освобождающее дух.

Более глубокое понимание структур характера помогает принимать их ограничения и потенциал. Вступив в контакт с Самостью как духовной силой, сознание может освободить структуру характера, которая прежде была не чем иным, как набором ригидных защит. Описание психологических расстройств общепонятным языком с привлечением ярких архетипических образов содействует обретению более широкого видения. Благодаря такому живому языку каждый из нас сможет отнестись к собственной структуре характера и структуре характера другого человека с должным уважением, признав необходимость ее развития, а также по достоинству оценив скрытые в ней источники трансформации. Может показаться удивительным, но, с точки зрения предлагаемой нами модели, структура характера рассматривается скорее не как препятствие на пути духовного роста, а как центральный элемент эманации божественного. Соответственно, духовная практика и интроспекция собственных психологических состояний становятся неотделимы друг от друга. Признание того обстоятельства, что наши собственные раны, а следовательно, наши характерологические защиты являются источником нашего исцеления, превращает саму процедуру диагностики из акта имплицитного обвинения в процесс пытливого исследования и трансформации. Только в этом случае человек действительно сможет посмотреть на структуру своего характера как на своеобразный родник, бьющий из-под земли, источник питания, наделяющий способностью сопереживать другим и строить отношения.

Выкрикивание имен

Каждый раз, оказываясь на пороге нового отрезка времени,
Чтобы открыть следующие врата в подземное царство,
Нужно выкрикнуть имя.

(*Anonymus*)

Фрески и тексты, найденные в древнеегипетских гробницах, описывают передвижение по подземному миру как долгое и опасное путешествие. Чтобы обрести вечную жизнь, умерший

должен следовать заданному пути. Часто он плывет на большом корабле или лодке в сопровождении нескольких богов и богинь. Корабль движется по загробному царству, разделенному на несколько территорий, которые иногда предстают в виде отрезков времени, а иногда – как отдельные пространства. Вход на каждую территорию напоминает порой змеиную глотку, а порой обычную дверь. Этот вход во временной интервал или пространство охраняется свирепым существом и находится под присмотром нескольких божеств. Каждый раз, когда корабль подходит к очередному порогу, уснувший должен выкрикнуть имя хранителя ворот, тогда вход открывается и он вступает на новую территорию, хранящую свои опасности. Успешно и благополучно пройдя весь путь, он попадает в Чистилище, и если там признают, что он в достаточной степени чист душой, он будет жить вечно в царстве Осириса.

«Выкрикивание» имен перед вратами и есть тот яркий образ, который передает суть этой книги. Переходя к новой главе, мы как бы перемещаемся в следующий временной отрезок или пространство загробного мира. Выкрикивая имена, мы обозначаем каждую конкретную территорию, тем самым признавая ее и выказывая ей свое уважение. Совершая это действие, каждый из нас стремится войти в более глубокий и непосредственный контакт с Самостью. А чтобы правильно подобрать имя «хранителя», его нужно «знать в лицо», то есть необходимо понять, проработать, прочувствовать и в полной мере усвоить сущность именуемого. В нашей книге «Матрица и потенциал характера», подбирая имена, мы выкрикиваем названия динамических процессов, защит и архетипических ландшафтов, свойственных каждой структуре характера. Называние имен делает Эго все более сильным и гибким, а следовательно, все более способным к диалогу с Самостью. Окруженное защитами Эго слабо и ригидно и потому вновь и вновь попадает под власть неопосредованных архетипических энергий, воспринимая проявления Самости в искаженном и ограниченном виде. Напротив, бытие в диалоге с Самостью, что можно образно уподобить «обретению вечной жизни в царстве Осириса», психологически позволяет человеку испытывать блаженство гармонии со всем сущим и ощущать вечность в каждом моменте.

Итак, мы будем называть, выкрикивать имена, тем самым побуждая вас исследовать, обдумывать, размышлять, идти на контакт с божественными и демоническими силами, ждущими на «каждом отрезке времени», в каждой главе.

Часть I

Избегающий паттерн

Глава 1

Шизоидная структура характера

Замерзающий во льдах

Девочка со спичками

Было невероятно холодно, шел снег, сгущались сумерки. Канун Нового года. В холоде и темноте брела маленькая нищая девочка с непокрытой головой и босая... Девочка шла босиком по улице. Ее ножки распухли и покраснели от стужи. В руке она держала маленькую коробочку спичек, а в кармане ее передника лежало еще несколько коробочек. За весь день она не продала ни одной спички, и никто не подал ей ни гроша. Замерзшая и голодная брела она по городу; совсем измучилась, бедняжка!
(Andersen, 1976, p. 306–368)

Перед нами портрет человека потерянного, скитающегося, замороженного и неспособного установить контакт. Девочка заглядывает в окна деревенских домов, где в тепле отмечают семейные праздники. Страх не дает ей вернуться в свой холодный дом, к жестокому отцу – никого нельзя попросить о помощи. Смирненно сидит она в одиночестве на снегу. Лишенная человеческого тепла, она обращается к собственным скудным ресурсам – жжет оставшиеся спички, что в итоге и приводит ее в смертельные объятья собственных фантазий.

Важно отметить, что у девочки жестокий отец и нет матери. С клинической точки зрения, можно предположить, что именно пренебрежение самыми базовыми физическими и эмоциональными потребностями ребенка могло заморозить его изнутри. Изоляция, переживаемая в значимых детских отношениях, интернализуется во внутриспсихическую изоляцию. Шизоидный пациент испытывает ужасающую пустоту, невыразимый страх, его внутренний ландшафт не заселен человеческими фигурами. Он часто предается бесконечным мечтаниям и фантазиям, которые могут быть яркими, символическими и завораживающими. Если он обладает хорошо развитым интеллектом, то может частично утешиться, построив внутренний ледяной дворец, где будет жить один, в безопасности, но замороженный. Но даже несмотря на это, опасные глубины, непредсказуемость и смертельный ужас не оставляют его. Как и девочка со спичками, шизоидная личность обычно не контактирует со своим телом и аффектами, а также не способна организовать свои действия в этом мире. У нее нет связи с собственным телом как сместищем, то есть нет телесно переживаемого опыта. Она живет в теле, которое как бы спит или еще не пробудилось к жизни. При этом оно может быть нормально сформированным, но зажатым и не откликаться на прикосновения или реагировать на них отвращением. Шизоидная личность склонна проявлять настороженность, переходящую в гипербдительность, и легко затопляться чувствами.

С архетипической точки зрения, люди, которым в отношениях свойствен избегающий паттерн, отличаются незаурядным интеллектом и воображением. Захваченный благоговением перед ментально-символическим аспектом бессознательного, человек с шизоидной структу-

рой характера пребывает во власти увлекательных событий внутреннего мира, куда сбегает от напряженного, аффективно заряженного опыта человеческих отношений. Он почти не способен вступать в близкие взаимодействия, хотя иногда обладает особой чувствительностью к ним. Он не может отстаивать свои интересы – для этого у него не хватает душевных сил. В то же время на определенной психологической дистанции люди с шизоидной структурой характера могут восприниматься искренними и незащищенными. Пытаясь сохранить безопасное личное пространство, они часто производят впечатление отчужденных и отстраненных. Поступая вопреки ожиданиям окружающих и ведя себя эксцентрично, они тем самым культивируют свою чрезмерную уникальность, которая еще больше отделяет их от мира. В то же время внутренне они бывают неумолимо самокритичны и невыносимо одиноки.

Совсем не редкость, когда пациенты с шизоидным профилем обращаются к аналитикам-юнгианцам. Та легкость, с которой они оперируют богатым на образы материалом своих фантазий и снов, создает благодатную почву для установления тесных аналитических отношений. Наша практика показывает, что переживаемый опыт и защитные структуры шизоидной личности с клинической точки зрения недостаточно признаны специалистами и даже идеализируются. Причина подобного отношения кроется в том, что у самих терапевтов шизоидные состояния в целом остаются непроанализированными и непроработанными.

Одна такая пациентка – молодая работающая женщина – жила только в своих снах. Неважно, что у нее был муж, трое детей и много знакомых. Прежде всего ее увлекала собственная внутренняя жизнь. На каждую сессию она приносила кипы листов, содержащих скрупулезные описания сложных архетипических сновидений. Заполняя наше пространство, яркие образы из этих сновидений редко снисходили до того, чтобы дать нам хотя бы секундочку пообщаться по-человечески. Но в конце концов такие секунды, когда мы по-настоящему контактировали, все же стали накапливаться. Со временем человеческая теплота наших отношений стала понемногу растапливать лед. Примерно в тот же период поток сновидений пошел на убыль, а их содержание сделалось более символически доступным, а не таким отстраненно архетипическим, как раньше. Теперь сновидения рассказывали о ее теле и ее жизни, в которой, опираясь на наш контакт, пациентка смогла увидеть и мрачность своего внутреннего ландшафта, и одновременно его богатство. Ниже мы вернемся к этому случаю (с. 67).

Благодаря погруженности в ментально-образный аспект бессознательного и способности легко контактировать с его содержанием, люди с шизоидной структурой характера обладают выраженной способностью к абстрактному мышлению. Они часто находят свое призвание в философии, религии, психоанализе, поэзии, математике и музыке. И это, несомненно, является их сильной стороной. Однако для диагностики основными критериями служат ограничения и защиты, а не достижения и сильные стороны Эго. Лишь те из них, кто обладает более развитым Эго, могут раскрыть свои способности в полную силу. Ведь из-за ограничений, обусловленных структурой характера, их творческий потенциал может остаться погребенным в бессознательном и так никогда и не раскрыться.

Умение наслаждаться уединением, интерес к занятиям наукой, философией и духовными практиками – вот то, что часто восхищает нас, терапевтов, в наших друзьях, в пациентах, да и в нас самих. Обладая чувствительностью и интеллектуальными ресурсами, люди с шизоидной структурой характера нередко выбирают профессии консультантов и терапевтов, в которых они применяют свою обостренную наблюдательность, помогая другим и при этом находясь от них на безопасном расстоянии. Терапевт с шизоидными чертами умеет создать в терапии атмосферу особой доверительности и близости, а распределение ролей в аналитических отношениях благоприятствует ему и защищает его. Такой терапевт переживает близость, избегая тех самых стрессов, которые делают отношения один на один столь напряженными для людей с избегающим паттерном. Тем не менее непроработанная и непроанализированная шизоидная инкапсуляция сказывается определенным образом на intersубъектном поле, влияя, в частно-

сти, на процесс формирования глубокой эмоциональной связи и на вероятность неосознанного травмирования пациента.

Не каждого жизнь одаривает структурой, способствующей развитию воображения. Но как бы мы ни романтизировали шизоидный характер, боль и изоляция, присущие этой структуре, порой прорываются наружу в виде внезапных вспышек насилия, извращенных форм поведения и пагубных пристрастий. Шизоидный характер может выражать себя в самых разных вариантах адаптации. На шизоидной шкале располагаются и замкнутый человек, который в периоды декомпенсации подлежит госпитализации, и ученый, отличающийся высокой работоспособностью и сделавший карьеру, и художник, прославившийся своей самобытностью в мире искусства. Всех их объединяет склонность к изоляции. Если же человек обладает слабым Эго и минимальными материальными и культурными ресурсами, то картина может оказаться ужасной. Терпящий унижения рабочий, подспудно отыгрывающийся на жене; домохозяйка-затворница, не выносящая неповиновения своих детей и избивающая их до полусмерти; непризнанный уличный актер, погрязший в садомазохизме и наркотиках; тихий неприметный незнакомец, входящий в школу с оружием в руках, – все эти люди могут иметь шизоидную структуру характера.

Теоретическое обоснование

Может показаться, что мир сказки и мир теории разделяет огромное пространство, однако девочка со спичками символически присутствует во всех теоретических рассуждениях о пациентах, имеющих шизоидную структуру характера. Ранние психологи-теоретики часто пользовались термином «шизоид» для описания человека, который предрасположен к шизофрении, но не является явным психотиком. Август Хох (August Hoch, 1910), описывая замкнутую личность, использовал определения: скрытный, нелюдимый и пассивно-упрямый. Крепелин (Kraepelin, 1913) ввел термин «аутичная личность», характеризуя человека, который, используя пассивную адаптацию в форме отчужденности, стабилизируется, не достигая психического состояния. Юджин Блейлер впервые применил термин «шизоидия», описывая наименее тяжелый поведенческий паттерн в континууме шизофрении. Он характеризовал своих пациентов как подозрительных, неспособных к дискуссии и *достаточно подавленных* (Bleuler, 1922, 1929).

Юнг пишет о том, что сознание шизоидной личности затоплено архетипическим содержанием, результаты воздействия которого более разрушительны, чем при неврозе:

Эти комплексы... бессистемны, явно хаотичны и случайны. Более того, для них, как и для некоторых сновидений, характерны примитивные или архаические ассоциации, очень сходные с мифологическими мотивами и комбинациями идей. Эти архаизмы также встречаются у невротиков и нормальных людей, но реже.
(Jung, 1958, par. 563)

Вывод, сделанный Юнгом, важен для нашего обсуждения, поскольку в нем подчеркивается, до какой степени архетипическая реальность господствует в психике, препятствуя проживанию человеческой жизни или ограничивая ее. Мифические мотивы, которые упоминает Юнг, в избегающем паттерне проявляются иначе, чем в ищущем или антагонистическом. С самого начала шизоидный ребенок смотрит на мир сквозь причудливую призму «разум-образ»: и она укладывается в основание его защитной структуры. Внутренний мир шизоидного человека отличается архаичными и богатыми образами; в них он и окунается при возникновении внешней угрозы.

Исследуя архетипические образы снов, фантазий и жизненных событий людей с шизоидной структурой, мы довольно часто слышим такие слова, как «изоляция», «пустота» и «бес-

смысленность», с помощью которых пациенты описывают свой ландшафт травмы. В аспекте сознания или Эго бессознательное воображается и переживается как *пустота*. Часто эта пустота представляется в качестве обширного, ничем не заполненного пространства, огромной территории, обезлюдившей или вообще не населенной никакими формами жизни. Эта архетипическая территория предстает в виде бесконечных лабиринтов, у которых нет центра и выхода, в виде домов, в которых разносится эхо и кишат демоны, или же холодных тюрем, где человека удерживают в изоляции. Очень важно распознать этот пустынный край в душах наших пациентов и в наших собственных душах, потому что процесс индивидуации запускается, только если человек сознательно проходит через этот ландшафт, что очень непросто. Человек с шизоидной структурой характера испытывает мощное бессознательное воздействие, затягивающее его сознание вглубь ландшафта травмы, что реактивно порождает всеохватывающий животный страх дезинтеграции. Он боится уйти в небытие, превратиться в перегной, раствориться без остатка. Этот страх заставляет его вновь и вновь задаваться вопросом: а заметят ли вообще его исчезновение? Поскольку связи с другими непрочны, то чаще всего он внутренне убежден, что именно так все и случится. Подобные страхи одной пациентки полностью подтвердились. Отдалившаяся от окружающих ее людей, никогда не обращающаяся за помощью, однажды в момент тяжелой психической дезинтеграции, разбитая параличом, она действительно оказалась изолированной и забытой в собственной квартире. Она пробыла в полном одиночестве три дня, и если бы не пронзительное мяуканье оголодавших кошек, соседи так бы и не спохватились.

Шизоидные истоки на примитивной стадии развития

Представляя нашу Матрицу (с. 18), мы уже отмечали, что шизоидный характер располагается на пересечении избегающего паттерна и примитивной стадии. Эта стадия отражает проблемы, которые возникают и разрешаются в течение первых 18 месяцев жизни. На примитивной стадии Эго, в сущности, еще не дифференцировано от бессознательного и легко захватывается им. Шизоидная личность постоянно борется за выживание, сопротивляясь угрозе затягивания в бессознательное и страху дезинтеграции. Каждая из трех структур характера, укорененных в примитивной стадии, использует примитивные защиты – главным образом расщепление, проективную идентификацию и уход в фантазии. Эти защиты применяются отчаянно и негибко – лишь бы не допустить сокрушительной дезинтеграции и не потерять связь с реальностью. Примитивная защита, используемая чаще всего, становится краеугольным камнем формирующейся структуры характера.

Если рана, полученная на нарциссической и преневротической стадии, проявляется в переживании глубокого стыда и вины, то структуры характера, формирующиеся во всех трех паттернах примитивной стадии, связаны с борьбой за элементарное выживание. Так же, как людей, захваченных пограничной и психотической динамикой, девочку со спичками не беспокоит чувство стыда или вины; она ощущает, что ее существование постоянно находится под угрозой. Она ушла глубоко в себя, парализована и не способна позвать на помощь. Отсутствие связи с окружающими и уход в мир фантазий толкают ее прямо в холодные объятия смерти.

В шизоидных переживаниях, как их описал Юнг в приведенной выше цитате, архетипы предстают в грубой и неопосредованной форме. Архетипический прилив просто затопляет нарождающееся Эго и препятствует накоплению ощущений и образов, формирующих в опыте слой личных комплексов. Внутрипсихические структуры, которые должны были бы служить основанием и содействовать развитию жизни индивида, оказываются несформированными, а Эго остается во власти архетипов. В случае с шизоидной структурой характера, когда этот мощный, неопосредованный архетипический поток затопляет нарождающееся Эго, ребенок уходит в защитную инкапсуляцию мира фантазий, пытаясь уберечь «живое сердце своего Я» (Guntrip,

1969) или «личностный дух» (Kalsched, 1996). Лишенная «своего личностного духа», одинокая девочка со спичками, замерзающая в снегу архетипической реальности, не в состоянии почувствовать, что ее тело коченеет и не может вдохновиться на то, чтобы позаботиться о себе или позвать на помощь.

Все три структуры, формирующиеся на примитивной стадии, обладают низкодифференцированным, слабо развитым Эго, которое не может выступать полноценным партнером в диалоге с Самостью. Вкупе с защитами оно блокирует целенаправленное течение психической энергии вдоль оси Эго— Самость, которая поэтому не может полноценно функционировать. Эго лишено возможности принимать, а Самость – возможности побуждать, придавать смысл и поддерживать последовательное развитие личности, оставляя внутриспсихические структуры несформированными. Пребывая в защитной инкапсуляции, шизоидная личность оказывается отрезанной от процесса индивидуации и лишена возможности соприкоснуться с сокровенными смыслами души, таящимися в самом центре ее существа.

Гарри Гантрип и регрессировавшее сердце Я

Гарри Гантрип, представитель британской школы объектных отношений, проникновенно и метафорично пишет о шизоидных явлениях. Гантрип проходил анализ у Д. В. Винникотта и был протестантским теологом. Он очень точно описывает шизоидную динамику: «Мы увидели, как слишком ранние и слишком сильные страх и тревога, возникающие у ребенка при столкновении со средой, с которой он не может справиться и от которой не чувствует поддержки, провоцируют уход из внешней реальности и искажают процесс развития Эго по причине мощного стремления к отстранению и пассивности» (Guntrip, 1969, p. 87). Гантрип полагает, что ребенок, испытывающий страх перед «токсическим затоплением», уходит из внешнего мира, пытаясь внутри воссоздать ту безопасную среду, которая окружала его в утробе. Этот уход таит в себе серьезные опасности; для живого организма регрессия в пренатальную стадию равносильна переживанию смерти. И, несмотря на то, что ребенок прячется, чтобы обрести безопасность, его уход из реальности нередко сопровождается страхом дезинтеграции. Определяемые масштабом нависшей угрозы и степенью инкапсуляции, уход и потеря своего Я чаще всего вызывают большое беспокойство и переживаются пациентом как умирание. Но, по мнению Гантрипа, такая регрессия, хоть и подобна смерти, в конечном итоге несет в себе и надежду на возрождение.

Уход из внешнего мира с последующей шизоидной инкапсуляцией нужен для того, чтобы отрицать существующую реальность и не допустить появления серьезных привязанностей. Ребенок отворачивается от самого себя, подавляет естественное проявление чувств и использует примитивные защиты для взаимодействия с миром, который воспринимает как враждебный. Эта психическая катастрофа есть не что иное, как разрушение через имплозию¹⁰. Пытаясь справиться со страхом дезинтеграции, ребенок приносит в жертву спонтанные проявления своего Я, только тогда его организм может выжить. Джонсон выразился более драматично: «Чтобы сохранить свою жизнь, организм, по сути, перестает жить» (Guntrip, 1985, p. 56–57). Согласно данным современных нейробиологических исследований, подобные имплозии, спровоцированные травмой, запускают каскады глубинных характерологических и нейробиологических изменений¹¹.

¹⁰ Имплозия – взрыв, направленный внутрь.

¹¹ Алан Шор и Даниель Зигель обобщили данные многолетней исследовательской программы «Десятилетие мозга», теории привязанности, нейронауки, психологии развития, психоанализа и прочих отраслей знаний в дисциплину, ставшую известной как нейробиология развития (Schore, 1997, 2003a, b; Siegel, 1999, 2003).

Гантрип пересказывает страшный сон одной своей пациентки, который в символической форме передает, как бессознательное представляет последствия этих явлений. Во сне женщина открыла стальной ящик и обнаружила внутри крошечного голого ребенка, который смотрел на нее своими большими, пустыми, ничего не выражающими глазами. У шизоидного пациента не развита способность проявлять эмоциональное тепло и живость, она заперта в бессознательном, не пробужденная и изолированная. Как будто его живое сердце перестает биться. Не имея доступа к этому главному источнику чувств, невозможно установить нежные отношения ни с одним человеком, в том числе с самим собой. Пациенты говорят, что чувствуют себя нереальными, неживыми, иногда будто бы пребывают в зомбированном состоянии. Ниже на примере клинического случая Кларка (с. 51) мы рассмотрим динамику процессов де-реализации и деперсонализации шизоидной личности.

Девочка со спичками никогда не будет в состоянии позвать на помощь, территория ее существования ограничена холодной тюрьмой, она ее узница. В жизни взрослого человека с шизоидной структурой характера это состояние проявляется в виде эмоциональной опустошенности и безжизненности физического тела. Состояние умерщвления – это оборонительная мера для защиты от повторного переживания страха дезинтеграции; кроме того, оно помогает не чувствовать собственную уязвимость. С этой же целью пресекаются любые межличностные отношения и привязанности: «Этот неустранимый дефект, причиненный незрелому Эго и являющийся средоточием страха в структуре шизоидной личности, создает основную угрозу регрессивного срыва на более поздних этапах жизни» (Guntrip, 1969, p. 77).

Гантрип в общих чертах описывает процесс терапии шизоидных пациентов, и мы поддерживаем его подход: сначала создается надежный аналитический контейнер, внутри которого инкапсуляция может раскрыться, а затем в сформировавшемся рабочем альянсе прорабатывается терапевтический восстанавливающий симбиоз. На этом этапе «истинное Я... спрятанное в безопасном хранилище», обретает шанс возродиться. Если воспользоваться метафорой Гантрипа, можно сказать, что в результате успешного аналитического процесса человек получает доступ к инкапсулированному «сердцу своего Я».

Шизоидная защита в форме инкапсуляции

Главную роль в формировании всех трех структур характера избегающего паттерна играют динамика и защиты, связанные с инкапсуляцией. Отличие состоит лишь в степени защитной инкапсуляции, которая и определяет размер ущерба, наносимого дальнейшему развитию. Инкапсуляция детей-аутистов бывает настолько глубокой, что ни о каком дальнейшем формировании характера не может быть и речи. У невротиков с таким же паттерном встречаются инкапсулированные анклавы, вокруг которых формируются укрепленные защиты¹².

¹² Одним из глубинных расстройств развития, заслуживающих теоретического рассмотрения при описании шизоидных явлений, является детский аутизм. Сходства с динамикой шизоидной личности проявляются в явном уходе ребенка из внешнего мира, в отсутствии реакций на людей и речевом дефиците. В DSM-II (American Psychiatric Association, 2000) отмечается, что детский аутизм (299.0) может предшествовать развитию шизоидных расстройств. В психоаналитической литературе разграничивают патологический детский аутизм и естественную аутистическую стадию развития, через которую, по мнению некоторых ученых, в первые два месяца жизни проходят все дети. Маргарет Малер считала, что в течение первых двух месяцев все дети оказываются сосредоточенными на внутреннем мире и закрытыми для активного взаимодействия. Эту раннюю стадию развития она назвала «нормальным аутизмом», чтобы отделить ее от патологического аутизма. Однако существует оправданное беспокойство по поводу использования слова «аутистический» с его патологической коннотацией для описания обычной стадии развития (Даниель Штерн ставит под вопрос это понятие по нескольким причинам; см.: Stern D. *Interpersonal World of the Infant*. 1985. P. 232–235). Штерн ссылается на личное общение (1983) с Маргарет Малер, когда она, принимая во внимание данные более поздних исследований, согласилась с его возражениями и предположила, что более точным определением для этого явления будет слово «пробуждение» (awakening). Вслед за Малер Штерн ввел термин «появление» (emergence) для описания психического вступления ребенка в жизнь в течение первых двух месяцев. Успешный анализ шизоидного пациента тоже можно уподобить такому робкому появлению или пробуждению из «нерожденного», или инкапсулированного, состояния.

С внутриспсихической точки зрения, инкапсуляция призвана создавать для Эго иллюзию надежного укрытия. Однако, если она слишком глубока, ощущение своего бытия и его смысл теряются. Иногда это называют «уходом в безобъектное пространство». Все пациенты с избегающим паттерном в напряженные моменты аналитической работы склонны время от времени уходить в инкапсуляцию, что не остается без последствий. Каждый такой уход стирает границу между сознанием и бессознательным, а связь с внешним миром ослабевает.

Проблемы терминологии

Как показывает практика, с обозначением феномена и диагностикой шизоидной структуры характера у клиницистов возникают некоторые трудности и расхождения. Во-первых, повод для этого дает сам термин, происходящий от слов «schism» (схизма, раскол) и «schizo» (расщепление, разделение). Таким образом, термин «шизоидный» может описывать разные явления. Но чаще всего его используют в значении «раскола» между «я» и внешним миром.

Во-вторых, существует множество диагностических категорий, которые включают определение «шизоидный». Уже начиная с публикации DSM-III (American Psychiatric Association, 1980) в целях дифференциации моделей поведения, ранее входивших в один континуум шизоидности, было введено три отдельных диагноза. Это «шизоидная личность» (асоциальная форма адаптации); «избегающая личность» (адаптация в форме ухода) и «шизотипическая личность» (эксцентрическая форма адаптация). Наш практический опыт показывает, что такое разделение точно передает поведенческие особенности, но мало помогает в распознавании динамики и объяснении шизоидного характера. В DSM-IV психотические уровни шизоидной организации включены в диагнозы шизофрении, шизофреноподобного и шизоаффективного расстройства. Мы оставляем эти классификации в стороне, рассматривая шизоидный характер как проявление непсихотического варианта шизоидного континуума.

В-третьих, существует регулярная путаница в отношении диагнозов «шизоидное расстройство личности» и «шизофрения». С одной стороны, первое действительно часто предшествует второму; а с другой, человек с шизоидным расстройством или шизоидной структурой характера подвержен психозу ничуть не в большей степени, чем имеющий любую другую структуру характера.

В-четвертых, затруднения в диагностике шизоидной структуры характера или шизоидных анклавов связаны с *намерением* носителя этого характера оставаться незаметным или даже «исчезнуть» из поля взаимодействия с окружающими, скрывшись в защитной инкапсуляции.

Следует отметить, что наличие дезориентирующего множества диагностических терминов по данной теме приводит к тому, что клиницисты нередко считают, что шизоидные структуры характера встречаются исключительно у психически недееспособных людей. В результате эти характерологические проблемы остаются недоисследованными и у пациентов, и у терапевтов, да и в обществе в целом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.